

◆ Валерий Введенский ◆

Валерий Введенский

**Сломанная
тень**

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В24

Введенский, Валерий Владимирович.
В24 Сломанная тень / Валерий Введенский. — Москва : Эксмо, 2024. — 640 с. — (Исторический детективъ Николая Свечина и Валерия Введенского).

ISBN 978-5-04-199810-3

Петербург, 1829 год. Город потрясает череда самоубийств и несчастных случаев: застрелился граф Ухтомский, поручик Репетин сломал себе шею, упав с лошади, а барона Баумгартена нашли в петле. Полиция все списывает на случайное стечение обстоятельств, но судебный врач Илья Андреевич Тоннер иного мнения. Ему удастся выяснить крайне интересную деталь: в этом деле замешана дама, чье лицо скрыто под вуалью. Тоннер уверен, что даме известны многие тайны, в том числе и загадки произошедших убийств...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199810-3

© Введенский В.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Купола стоят в позолоте,
Шпили ввысь устремились стройно.
Петербург стоит на болоте,
По ночам у нас беспокойно.

Геннадий Григорьев

Автор благодарит за консультации
Анну Шкуруину.

В романе косвенно цитируется книга
Астольфа де Кюстина «Россия
в 1839 году».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Возмущение клокотало в груди. Непривычные к ходьбе ноги норовили обогнать пролетавшие по набережной кареты и экипажи. И лишь прохожие, изредка попадавшиеся навстречу, вынуждали Арсения Кирилловича несколько сбавлять шаг. Каждого князь Дашкин пытался еще издали рассмотреть, вычислить: он или нет?

Кутаясь в шинельку на рыбьем меху, чиновник испуганно шарахнулся в переулок. «Жаль, — расстроился князь. — Такого бы огрел пару раз тростью, сам бы письмо отдал! В зубах бы приволок! Как собачонка палку!»

Дашкин покосился на темно-коричневую шавку, весело игравшую с мальчишками на тротуаре. Дети пытались обмануть собачку: заманивались, а сами не бросали палку, прятали за спиной. Не тут-то было. Дворняга внимательно следила за всеми уловками, и покуда игрушку действительно не бросят, с места не двигалась. Только крутила хвостом-бубликом и отрывисто

гавкала. Мол, кидай скорей! Дашкин покачал головой. «Не заигрались бы! Не пропустили бы мерзавца!»

Дворовых мальчишек, что посмышленей, он привел сюда сам. План был прост. Если господин хороший после увещеваний письмо не отдаст — отобрать силой! Арсений Кириллович еще крепок, опять же трость со свинцовым набалдашником в руке! Боялся лишь, что негодяй сумеет сбежать. Тут-то мальчишки и пригодятся!

Гвардейского штабс-капитана Дашкин сразу отмел. Chantage ♦, как это называют французы, — промысел людей низких. Записку писал какой-нибудь гувернер или студент, а может, мелкий чиновник. Нынче среди канцелярских и купеческие сынки завелись, и поповские. Вот ведь гримаса судьбы! Попавшее к шантажисту письмо как раз про то, как этой самой черни жизнь облегчить! Про долгожданную свободу крестьянам, равные права сословий, конституцию!

Нет, боже упаси, никакой Дашкин не якобинец! И в тайных обществах сроду не состоял. А вот либеральным идеям был привержен смолоду и никогда сие не скрывал! Покойный Александр Первый не раз говорил: «Дашкин — умнейший человек! А что либерал, так и я им в юности был!»

♦ Шантаж (*фр.*).

Нынешний монарх столь теплых чувств к князю не питал. Наоборот, относился с подозрением. Во время следствия над заговорщиками вызывал на допрос. Но князь перед законом был чист. Да-с! Про тайные общества и предстоящий бунт знал, а кто про то не ведал? Своих замыслов заговорщики не скрывали. А не примкнул, потому что считал: реформы только законному самодержцу по плечу! Неучам-офицерам, фрондирующим за завтраком оттого, что попойки наскучили, сие не по силам. Александр Благословенный реформы планировал, вот только провести не успел: все царствование воевал. А обещал и конституцию, подобную польской, и крестьян от рабства избавить. А там и до парламента, затаенной мечты Арсения Кирилловича, рукой подать. Нет сильнее Британской империи! Почему бы ее за образец не взять?

Николай Первый выслушал Дашкина сухо, мыслей брата не разделял. Правда, и обвинений не предъявил. Велел лишь написать письмо приятелю и единомышленнику Николаю Веремееву, чтобы тот вернулся в Россию.

В отличие от Дашкина, Веремеев поначалу примкнул к заговорщикам. Однако убедившись, что Пестель отчизне термидор готовит, от заговора отошел и в восстании не участвовал. Но новый самодержец упорно считал Николая Ивановича одним из зачинщиков.

Дашкин письмо написать пообещал, но слова не сдержал. Догадывался, что ждет друга...

Где же чертов шантажист? Князь уже почти бежал по опустевшей в сумерках Фонтанке. Грозивший наводнением ветер повернул вспять речную воду, но князя, казалось, не могла остановить даже разбушевавшаяся стихия.

Неужели не придет? «Конечно, не придет! — обрадовался Арсений Кириллович. — Устыдился! Шутка ли? Шантажировать камергера и сенатора!»

Тяжело дыша, Дашкин остановился, огляделся. Мальчишки с собачкой едва за ним поспевали. «Разогнался я не по чину!» — подумал князь. Ветер начал стихать, закапал дождь. Арсений Кириллович повернулся и медленно побрел назад. Никого!

«Жаль, что негодяй не явился. Я бы наставил его на путь истинный! Как опустился этот человек! Прочел чужое письмо...»

Письмо! Дашкин остановился как вкопанный. А вдруг шантажист письмо в Третье отделение отнес? Читает его в сию минуту Александр Христофорович и в усы хихикает? Теперь князю все зачтется! И что Веремеева не выманил, и что крамольные идеи, несмотря на предостережение, из головы не выкинул. Времена-то другие настали! Зря говорят, что историю вспять повернуть нельзя! Очень даже можно, если

иронией судеб на трон взгромоздилось ничтожество!

К нележкой царской ноше Екатерина Великая готовила двоих: Александра — для России, Константина — для возрожденной Византии. Третьему внуку, Николаю, был уготован династический брак и шефство над гвардейским полком. От того и правит он Россией как казармой. С утра до вечера занят смотрами, ценит рабскую преданность, завещанных братом реформ боится. Любимое занятие — проверять, носят ли чиновники мундиры!

«Послал Бог России ничтожество!»

Господи! Ведь так в письме и написал! Нет! Ссылкой в имение не отделаюсь! Лишат меня того имения! Вместе с чинами и званиями! Сошлют в Сибирь! Что ждет Кирилла, долгожданного наследника? Что ждет Юлию?

Женился князь поздно, скоропалительно и без любви. Юная Юлия Антоновна казалась кроткой и послушной, но после родов внезапно переменялась. Из невзрачного подростка превратилась в красавицу, на брачном ложе равнодушная покорность сменилась безудержной страстью. Дашкин было обрадовался, но оказалось, что сил, которыми славился в молодости, у него уже нет. Пришлось прибегать к уловкам: князь начал держать пост по средам и пятницам, в иные вечера запирался в кабинете — якобы работал с бума-

гами, а нараставшее вожделение юной супруги пытался удовлетворить пространными нравоучениями о пользе воздержания.

— Ваше сиятельство! — Из остановившегося экипажа помахала ручка в черной перчатке.

Арсений Кириллович учтиво снял цилиндр.

— Добрый вечер! Очень рад вас видеть!

«Как некстати кого-то встретить!» — подумал про себя князь. А вдруг шантажист увидит, что я не один, и подойти испугается.

— Садитесь живей! — Из экипажа выглянула дама, длинная траурная вуаль скрывала ее лицо.

— К сожалению, тороплюсь на важную встречу, так что не могу воспользоваться вашей любезностью.

— Да садитесь же! Деньги при вас?

Князь испуганно обернулся, потряс головой. Не ослышался ли? Дама выглянула снова:

— Кол осиновый проглотили?

Еще до конца не осознав, что дама и есть ожидаемый шантажист, князь взобрался в экипаж и плюхнулся на сиденье.

— Гони! — приказала незнакомка кучеру. Экипаж дернулся с места.

— Деньги при вас? — требовательно повторила дама.

— С кем имею честь? — осведомился князь; он не сомневался — перед ним шлюха. Они самое

святое продают — любовь, значит, и на шантаж способны.

— Не узнали? — хихикнула падшая.

— Нет, конечно! — Князя передернуло от возмущения.

— Ваш ангел-хранитель!

— Кто? — поразился Арсений Кириллович.

Он никак не мог прийти в себя.

— Ваш ангел-хранитель! Кабы не я, в Петропавловке бы сейчас сидели. Деньги принесли?

Князь, обладавший живым воображением, тотчас увидел себя в кандалах. Страшное зрелище так его потрясло, что он даже припомнил план, который обдумывал весь день.

— Сударь, то есть сударыня! Ваш поступок безнравствен...

После сих слов князь намеревался, глядя шантажисту в глаза, произнести душеспасительную речь, которая, вне всяких сомнений, заставит его раскаяться.

— Я с вами согласна, ваше сиятельство! — хихикнула дама. — Покрывать якобинца — отвратительно. Мучилась весь обед — то ли к вам ехать, то ли в Третье...

План с треском провалился. Но письмо-то надо вернуть! Вопрос жизни и смерти!

Зажав между ног бесполезную трость, Арсений Кириллович сел вполоборота к спутнице:

— Письмо при вас?

— Письмо против денег.

— Отдайте немедленно! — потребовал Дашкин грозным тоном. — А то...

— В полицию побежите? — засмеялась дама. — Давайте высажу, здесь недалеко.

Экипаж тряхнуло на кочке; а князь только этого и ждал. Вцепился руками в горло шантажистки. В ответ в грудь Арсения Кирилловича что-то уперлось.

— Пистолет! — сдавленно пояснила дама. — Заряженный!

Князь разжал руки. Вдруг и вправду!..

— Арсений Кириллович, время дорого, — деловым тоном продолжила шантажистка. — Гоните двадцать тысяч, получите письмо и проваливайте!

— Я... — князь замялся. — Я не взял с собой денег!

— А зачем явились? Поговорить о моей нравственности?

— Но... Это очень большая сумма, сударыня! Я не мог собрать ее за день!

— Сколько вам надо времени? — поинтересовалась дама.

— Месяц! Придется имение закладывать ...

— Два дня! — отрезала шантажистка. — Встречаемся пятого в это же время!

— Два дня? — ужаснулся князь.

— И ни часом больше. Думаю, камергер и сенатор без труда одолжит двадцать пять тысяч.

— Но в записке сказано: двадцать!

— Двадцать письмо стоило сегодня. Во вторник меньше, чем за двадцать пять, не отдам! Что я, девочка, взад-вперед кататься?

Дальше ехали молча. Около дома Дашкина дама скомандовала извозчику:

— Тпру! Приехали, Арсений Кириллович! Вылезайте!

Князь спустился на мостовую с трудом, ноги дрожали. По привычке приподнял цилиндр и тут же опустил. Хотел сказать что-то хлесткое, но не решился.

— Пятого, в пять, — напомнила дама на прощание.

— На том же месте? — спросил князь.

— Пожалуй, нет, — чуть подумав, решила шантажистка. — Прогуливайтесь по Гостиному. Я вас найду.

Экипаж умчался. На противоположной стороне с виноватым видом стояли мальчишки. Их приятельница-собачонка сидела, понуро свесив голову, словно тоже просила прощения.

— Чего стоите? — заорал Дашкин. — Догнать! Проследить. Идиоты! Запорю!

Приказание было бессмысленным. Пешему догнать экипаж невозможно, особенно в опустев-

шем вечернем городе. Но не мог же князь, камергер и сенатор, признать свое поражение!

— Юлия Антоновна дома? — поинтересовался у камердинера.

— Дома-с, — подтвердил Петька. — Занимаются.

— Чем? — раздраженно спросил Дашкин.

— Рисованием. Учитель к ее сиятельству пришел-с. Просили-с не беспокоить.

— Какой учитель?

Утром Юлия что-то говорила про рисование, но князю было не до нее — с утренней почтой принесли злосчастную записку.

— Не знаю! Молодой такой.

Дав пинка нерадивому Петьке, Дашкин толкнул плечом дверь в комнату княгини.

— Вы уже вернулись? — с улыбкой вышла на встречу Юлия Антоновна. — Позвольте представить моего учителя рисования: Тучин Александр Владимирович.

Развалившийся в кресле молодой человек нехотя поднялся и поклонился, насмешливо глядя на Дашкина.

— Очень приятно, — с отвращением промямлил князь.

На мольберте красовался девственно-чистый холст, краски были сухи, никаких карандашей и альбомов!

— Мы только что приступили, ваше сиятельство, — с улыбкой мартовского кота ответил красноречивому взгляду художник. — Ставили руку! Учились правильно держать кисть. Вот так!

Юноша подошел к княгине сзади. Вложив кисточку в ее пальцы, обхватил за запястье и принялся водить рукою Юлии Антоновны, рисуя в воздухе воображаемую линию.

— Господин Тучин говорит, что, если держать кисть неправильно, нужный штрих не получится! — пояснила мужу Дашкина.

Тела супруги и учителя соприкасались, оба весело улыбались.

— Довольно! — вскричал князь. Зрелище было невыносимое. — Урок окончен. Тучин! Пройдемте-ка в мой кабинет.

— Но мон шер... — попробовала возразить Юлия.

— Увы, Арсений Кириллович! — Тучин достал из кармана брегет и зацокал языком. — Полвосьмого! Совсем забыл. У меня срочные дела.

— Вы... Вы не получите за урок ни копейки!

— О! Я учу Юлию Антоновну бесплатно. Из любви, так сказать...

Тучин нарочно сделал паузу. И расшатанные нервы князю изменили:

— Что-о-о?!

— Из любви к искусству и дружеских чувств к Юлии Антоновне! — закончил фразу Тучин.

— Забываетесь, любезный! — переведа дух, с ненавистью процедил князь. — Дружба с людьми вашего круга нам невозможна!

Арсений Кириллович, хоть и радел в душе за равенство сословий, панибратство меж ними отвергал. Да и крестьян мечтал освободить больше на бумаге, ни одному из своих вольную так и не дал.

Юлия Антоновна попробовала объяснить:

— Александр Владимирович — потомственный дворянин. Его папенька послал Сашу...

Князь округлил глаза, и Юлия Антоновна быстро поправилась:

— ...Александра Владимировича на учебу в Италию.

— Как? Дворянин-художник? — изумился Дашкин.

— Да, ваше сиятельство!

Столь наглые поклонники жены Дашкину еще не попадались. Обычно, завидев князя, ловеласы краснели и спешно ретировались.

— Вы, кажется, торопитесь? Так не смею задерживать!

— Был рад знакомству! Позвольте ручку, княгиня! Честь имею! — Щелкнув каблуками дорожных сапог, Тучин удалился.

— Как это понимать, сударыня?!

— Сегодня за завтраком вы разрешили мне брать уроки рисования! — напомнила княгиня мужу.

— Не помню! Глупость какая-то! Зачем вам рисование?

— Чем-то я должна заниматься! — возмутилась княгиня. — Мы нигде не бываем...

— Какая чушь! Постоянно таскаемся по балам...

После рождения сына князь возненавидел выезды в свет. Где бы Дашкины ни появлялись, тут же вокруг Юлии Антоновны начинали вертеться стайки молодых людей. Штатские и военные, красавцы и так себе — все искали ее благосклонности. А она, несмотря на возмущение мужа, им улыбалась.

— Все танцуют до утра, а мы уезжаем до полуночи.

— Вполне достаточно. В общем, так! Никаких уроков, никаких художников! Знаю я этих щелкоперов. Знаю, чего они хотят... Вы глупы и неопытны! А по женской своей природе — безнравственны...

— Что? Я Богу клялась хранить верность, Арсений Кириллович!

— Ах, бросьте! Все клянутся, а потом с первым же встречным... Уж я-то знаю!

— Откуда? Соблазняйте чужих жен?

Неужели это та кроткая барышня, с которой так недавно Дашкин стоял у алтаря?!

— Боже! — Арсений Кириллович рухнул в кресло. Достав платок, дрожащей рукой вытер лоб. — Как вы смеете?!

— А вы? Как смеете сомневаться во мне? Да, я хочу танцевать, рисовать, музицировать! Это не преступление!

— Когда умру, сделайте, что хотите... — Князь заплакал. — Я стар, вам не придется мучиться долго...

— Вам и пятидесяти нет...

— Но мне очень, очень плохо. Скорее! Доктора!

— Какого? Тоннера вы отставили, слишком молод...

— Тильмаха! Тильмаха!

— А этот был слишком стар. Вчера преставился.

Что за день такой?

— Юлия! — простонал князь жалобно. — Я выполняю свой долг, свой супружеский долг — берегу вас от соблазнов.

— Ваш супружеский долг — посещать мою спальню! Но, оказывается, вы таскаетесь по чужим, на меня сил не хватает.

— Ваши слова меня убивают! О, сколько я сил потратил, чтобы уберечь, спасти вас от адových мук...